

ЮРИЙ КОВАЛЬ

НЕДОПЁСОК

«МАЛЫШ»

Хорошая детская книга

Юрий Коваль

Недопёсок

«АСТ»

1974

Коваль Ю. И.

Недопёсок / Ю. И. Коваль — «АСТ», 1974 — (Хорошая детская книга)

На звероферме, в неволе, жил необыкновенной красоты песец – Наполеон Третий. И этот красивый песец стремился к свободе. Он убежал со зверофермы, и так начались его необычные приключения. Особое участие в судьбе свободолюбивого песца приняли второклассники местной школы и удивительный дошкольник Серпокрылов, который сам больше всего на свете уважал свободу! В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

© Коваль Ю. И., 1974

© АСТ, 1974

Содержание

Навстречу мне	6
Часть первая	9
Побег	9
Алюминиевый звон	10
Характер директора Некрасова	12
Давило	14
Снежное поле	15
В лесу	17
Кто стрелял?	19
Верея	20
Барсучья ночь	21
Маркиз	23
Сто шестнадцатый разрывается на части	25
Серая лиса	27
Колпаки и колёса	29
Бой с дворняжками	31
Хороший плотник Меринов	33
Пальма	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юрий Коваль

Недопёсок

© Коваль Ю. И., насл., 2013

© Ил., Трубин Д. А., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

* * *

Навстречу мне

Юрий Коваль – автор книги «Недопёсок», одной из лучших книг на земле.

Поэт Арсений Тарковский

Однажды был праздник Юрия Ковалёва – весёлый, как бразильский карнавал. Юрий Коваль сидел во главе стола посреди огромной планеты, которую он так любил, – со всеми её морями и землями, деревьями и травами, зверями и птицами, жуками и гусеницами – в пиджаке благородного мышиного цвета. Говорят, что этот пиджак цвета всё-таки снеговой тучи Юрий Коваль заказал одному портному из Торжка специально по случаю получения международного диплома Андерсена. Подобный приз вручают только самым лучшим детским писателям планеты, тем, кто одарил мир хотя бы одной книгой, столь же необходимой для человека и важной, как звёздное небо или в пустыне вода.

Юрий Коваль оставил нам с вами россыпь таких книг: «Кепка с карасями», «Листобой», «Полынные сказки», «Алый», «Приключения Васи Куролесова», «Пять похищенных монахов»... Похоже, эти книги и впрямь осчастливили целое человечество, поскольку они переведены чуть ли не на все языки, даже на японский!

– А сидел я, Марина, – исправил бы меня достойный Юрий Иосифович, – не просто «посреди планеты с её деревьями и травами, зверями и птицами...» Сколько можно тебя учить? А посреди планеты с её грибами рыжиками, мать-мачехой, иван-чаем, шиповником, медуницей, подснежниками, клевером и кашкой, жабником и ромашкой, черёмухой, вербой, рябиной и помидорами, тёмными глыбами лошадей, весенним небом, наполненным скворцами, грачами, жаворонками и пухом одуванчика, летящего над дорогой...

– Что?! – рокотал он в подобных случаях. – Ты не знаешь, как называется хвост у английского сеттера? Перо! А волосяной покров – рубашка. Хорошо оперённая рубашка...

Он любил странные слова или старые, забытые, непривычные на вид и на звук, пробовал слово «на зубок», открывал в нём новые грани, как открывают новые острова. И своими необыкновенными словами описывал мир, всякий раз создавая его заново. В этом колдовство Юрия Ковалёва.

Близкими его друзьями были вечное созвездие Орион, биолог Ваня Овчинников (тот работал в Ботаническом саду, выращивал цветущие азалии – Юрий Коваль туда частенько наведывался), а также канадский писатель и художник Сетон-Томпсон, хотя с этим человеком он не встретился ни в пространстве, ни во времени. Но это не так важно для дружбы великанов. Только близость духа важна для дружбы, крепкой, как морской канат с палубы фрегата «Лавр Георгиевич» из увлекательнейшего романа Ковалёва о вольном плавании капитана Суера-Выера.

Так вот, на празднике, о котором я веду речь, поэт Яков Аким сказал:

– Чтобы понять – дорог нам писатель или не очень, надо представить, что бы было, если бы его не было.

Вдруг наступила ужасная тишина. Все начали это себе представлять.

Первым исчез клёст Капитан Клюквин, купленный Ковалём на Птичьем рынке за три рубля – с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещенным, как два кривых костяных ножа, певец со своей собственной песней, которая рвалась у него из груди.

Пропала картофельная собака Тузик. («Дядь! – кричали издали ребятишки, когда я прогуливался с Тузиком. – А почему она картофельная?» – В ответ я доставал картофелину и кидал Тузику. Он ловко, как жонглёр, ловил её на лету и мигом разгрызал. Крахмальный сок струился по его кавалерийским усам»).

Не стало на Земле деревни Чистый Дор. Куда-то утекла вода с закрытыми глазами, и укатился глиняный кувшин, наполненный осенним ветром листобоем.

Покорный судьбе Недопёсок Наполеон Третий весь недопёсий век с потухшим взором просидит в клетке, позабыв о Северном полюсе.

И ничего с ним не случится. Ничего!

Напрасно близкие хриплые голоса – абсолютно неизвестно чьи – будут звать и кричать из-за угла:

– Юра, Юра, про нас напиши!..

Плохо нам без него бы пришлось. И как всё-таки здорово, что есть на свете писатель Юрий Коваль.

О, Недопёсок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех! Если б я, будучи подростком, узнала историю о Вашем побеге со зверофермы, как мощно поддержал бы меня Ваш нос, точно обращённый на Север.

Но именно в моём детстве не было ни Наполеона, ни Ковалья.

И в переходном возрасте не было. А уж когда я выросла, они и появились.

Коваль, конечно, меня поразил. Особенно поразил этот уголок тельняшки, светивший через вырез воротника. Он звал в какие-то такие дали, что уже было неважно, целая там у него тельняшка или треугольный кусок, пришитый к майке, который оторвал от себя ударник Витя Котелок из книги «Самая лёгкая лодка в мире».

Неудивительно, что спустя годы, едва услышав заветные слова «Северный полюс», ни секунды не сомневаясь, я на утлом судёнышке пустилась в плавание по Ледовитому океану, дух Недопёска Наполеона Третьего вёл меня к макушке Земли.

– А знаешь, как появился в моей жизни недопёсок? – рассказывал мне Коваль. – Дело было в Новгородской губернии. Нас привели на звероферму. Там клетки – в них сидят песцы. Мои друзья: «Дайте, дайте Ковалю песка!» И мне дали Маркиза. Он корябался, вырывался, юркнул в дверь. И пошла история. Сама. Я еле успевал записывать.

Говорят, что Юрий Коваль писатель открытого сердца.

Родился ли он с таким сердцем или раскрыл его по ходу дела – неизвестно. Только для многих людей, которые повстречали его, Юрий Коваль – это, конечно, подарок.

Когда-то он работал учителем в сельской школе в деревне Емельяново. В пятом, шестом и седьмом классах вёл он русский, литературу, историю, географию, рисование и пение.

Многое в повести «Недопёсок» от тех емельяновских времён. Одна из лучших глав «Недопёска» – «На севере диком...» – это урок учителя Ковалья.

Однажды Юрий Коваль показал мне монокулярчик – ну, это вроде одноглазого бинокля. Ему его подарили на день рождения. Красненький такой, изогнутой формы, на кожаном ремешке. В одну сторону повернёшь – всё вверх ногами. В другую – нормально. И в то же самое время – ненормально! Особенный вид открывается, непривычный.

О, Орион, взглянуть на Вас в монокулярчик Ковалья, вот было бы дело. На таволгу, на дудник, на язя, на Язу и Серебрянический переулочек, где у Ковалья была мастерская. Он там писал картины, делал скульптуры...

Кто-то говорил: Юрий Коваль разбрасывается. Писатель, а рисует, обжигает эмали на кастрюльной фабрике. Он бродит по лесам и болотам, сидит на Цыпиной горе, чья высота всего-то двести метров, а видно, говорит Коваль, всю Россию, – и песню поёт про Ивана в сундуке.

Но вот как-то раз пришли к нему некоторые люди и сказали:

– Открываем выставку! Называется «Ни уму, ни сердцу». Есть ли у вас что-нибудь для нас?

Коваль искал-искал, всю мастерскую перерыл, нашёл старый чайник без носика. Понёс на выставку, но с дороги домой вернулся.

– Нет, – говорит, – мне этот чайник дороже всего на свете. Многое уму говорит. Я, может быть, разбрасываюсь, но всё же я очень любящий чайники без носиков человек.

А мы добавим, что не только чайники без носиков, но и очень любящий людей.

Есть у Ковалья рассказы «Чистый Дор». И над этим словом «Дор» многие задумываются. Я понимаю его так: ДОР – РОД человеческий. И Коваль говорит – он чистый. Больше того: он провозгласил, что человек человеку – племянник! Я просто уверена – если б инопланетяне прочитали Ковалья, они бы прониклись симпатией к землянам.

Как-то осенью мы договорились встретиться около кинотеатра «Иллюзион». Я шла пешком от «Таганки», а мне навстречу шагал Коваль. В тот день был чудовищный листопад. Откуда он взялся – такой чудовищный, там и деревья-то раз-два и обчёлся.

А в это время по телевизору показывали фильм «Недопёсок Наполеон III». Возможно, поэтому на целой Таганской улице, кроме нас с Ковалём, не было ни души. Редкая машина проедет мимо нас, редкий троллейбус.

Ещё немного оставалось до нашей встречи с ним, минут, наверно, пять, примерно метров восемнадцать. И вдруг я вспомнила, что у Ковалья есть такой рассказ «Навстречу мне!»

Теперь уже не встретить Ковалья, как тогда на набережной Яузы. Но я хочу, чтобы он шёл и шёл мне навстречу, не только мне, а всем нам – его ученикам, друзьям и читателям.

Марина Москвина

Посвящается Бэлле Ахмадулиной

Часть первая

Побег

Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий.

Он бежал не один, а с товарищем – голубым песцом за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла, крепкие ли на клетках крючки. Но в то утро случилась неприятность: директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

– Ты прошлый месяц получала, – сказал Некрасов. – А теперь пускай другие.

– Ах вот как! – ответила Прасковьюшка и задохнулась. У неё от гнева даже язык онемел. – Себе-то небось премию выдал, – закричала Прасковьюшка, – хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда!

Директор Некрасов пропадом, однако, не пропал. Он ушёл в кабинет и хлопнул дверью.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела. В жизни она видела теперь только два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрогались. Огорчённая до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, всё глубже уходила в обиды и переживания и наконец ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдёт в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумлённый голубой песец за номером сто шестнадцать.

Алюминиевый звон

Песцы убегали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петькой.

– Другим-то премию выдал! – горячилась она. – А женщину с детьми без денег на праздники оставил!

– Где ж у тебя дети? – удивлялась Полинка, молодая работница, только из ремесленного.

– Как это где! – кричала Прасковьюшка. – У сестры – тройня!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора. А другие работницы слушали её, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по звероферме разнёсся металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» – крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решётку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая – внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой – и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки – по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услыхав звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопёсок Наполеон Третий. Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза её окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

Характер директора Некрасова

Цепляясь кормовым тазом за Доску почёта, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Она застыла на ковре посреди кабинета, прижала таз к груди, как рыцарский щит.

– Пётр Ерофеич! – крикнула она. – Наполеон сбежал!

Пётр Ерофеич Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью: «Щенение».

– Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантель, и так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что несгораемый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причём до этого он был заперт абсолютно железным ключом.

– Отвинтил лапкой крючок, – забормотала Прасковьюшка, – и сбежал, а с ним сто шестьдесят, голубой двухлеток.

– Лапкой? – хрипло повторил директор.

– Коготком, – пугливо пояснила Прасковьюшка, прикрываясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рявкнул:

– Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнулся на пол, заныл, застонал и выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он – горячий.

Давило

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своём посту Некрасов работал давно и хозяйство вёл образцово. Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков.

Недопёсок Наполеон Третий был важный зверь. И хоть не стал ещё настоящим песком, а был щенком, недопёском, директор очень его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет – не белый, не голубой, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы всё-таки подобрали – платиновый.

Мех этот делился как бы на две части, и нижняя – подпушь – была облачного цвета, а сверху покрыли её тёмно-серые шерстинки – вуаль. В общем, получалось так: облако, а сверху – серая радуга. Только мордочка была у Наполена тёмной, и прямо по носу рассекала её светлая полоса.

Всем на звероферме было ясно, что недопёсок перещеголяет даже Наполеона Первого, а директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом – «некрасовскую».

Узнав о побеге, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгоряча в полуботинках побежали по следу.

– Сколько раз я говорил – заделать дырку! – кричал на ходу директор.

– Так ведь, Пётр Ерофеич, – жаловался в спину ему Филин, – тёсу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снега и вернулись на ферму. Переобулись. Прыгнули в «газик», помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачёв, у которого был гончий пёс по имени Давило.

Ноздрачёва дома они не застали.

– Откуда я знаю, где он! – раздражённо ответила жена. – Он мне не докладывает.

– Гони в магазин! – крикнул Некрасов шофёру.

Охотник Фрол Ноздрачёв действительно оказался в магазине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.

– Товарищ Ноздрачёв! – строго сказал директор. – У нас трагедия. Сбежал Наполеон. Срочно берите вашего кобеля и выходите на след.

Охотник Фрол Ноздрачёв лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачёву, что трагедия директора пока что его не касается.

Характер Фрола Ноздрачёва любил сидеть в тёплом магазине с приятелями.

– Я человек занятой, – недовольно сказал Ноздрачёв, – поэтому интересно, что я за это буду иметь? Какие привилегии?

– Немалые, – ответил Некрасов.

Через полчаса русский гончий Давило – огромный широкоплечий пёс с печальными глазами – был поставлен на след у забора.

– Давай! Давай! – орал на него Ноздрачёв, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жёсткий, железный. Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.

Снежное поле

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег, который был под ногами. Он мешал бежать и охлаждал пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока неглубок, но всё же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю – на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу – снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почудилось недопёску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом даже кувыркался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лёг на бок и перекувырнулся, взбивая снежную пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом.

В драгоценный мех набились снежинки, обмыли и подпушь, и вуаль, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопёску, он бил по снегу хвостом, раскидывал его во все стороны, вспоминая, как делал это давным-давно.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал, наверно, потому, что не вспомнил ничего такого. Окунул было в снег морду – в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый нервно зафыркал.

Наполеон отряхнулся, будто дворняжка, вылезая из пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побежал вперёд, через поле, к лесу. Сто шестнадцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега. У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нём отпечатались какие-то звёзды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и пёсьи следы.

Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую косточку.

Недопёсок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

В лесу

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хлопал но снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа у него выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил её, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стогом.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сенного запаха закружилась голова. Пахло сено душистыми июльскими грозами, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Пересекли березняк, добрались до больших деревьев.

Это были старые ёлки.

На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножия, куда не навалило ещё снегу, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звёздами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы опасно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел чёрный дятел, долбил дупло. Заметив песцов, он крикнул пронзительно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

«Страх-страх!» – сварливо закричала она.

Наполеон твякнул в ответ, угрожающе взмахнул когтистой лапой.

Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными берёзками, выкорчеванными пнями. Здесь под кучей еловых веток спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под земли у самых ног Наполеона и пошёл сигать по вырубке, перепрыгивая пенки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не могла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздражённо уселась на ветку козьей ивы, закрутила зелёной головой. Настроение у неё совсем испортилось.

Неподалёку, под ёлками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопение, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелек, прямо под кучу еловых веток.

Задрожал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами ёлок – звонкой цепью потянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недалеко протянулась цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку, и тут на конце её, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-низом, незаметно, быстро и неторопливо скрылась из глаз.

Кто стрелял?

– Что такое! Что ещё такое?! Кто стрелял?

Близкий, неожиданный выстрел ошелолил директора Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких сапогах-броднях, а на руках его были дворничьи рукавицы – хватать в случае чего песцов. Выстрела директор никак не ожидал. Наполеон нужен был живым.

– Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю! – грозно повторил директор.

– Ясно кто, – угрюмо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалёку в кустах, стараясь замаскироваться. – Обормот Ноздрачёв.

Из лесу выскочил Давило. Он был радостно возбуждён, шоколадные глаза его налились кровью.

– Ноздрачёв! – сурово крикнул директор. – Это ты стрелял?

– Да я тут косоного зашиб, – слышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачёв вывалился на опушку. От него валил азартный охотничий пар. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачёва кислым бездымным порошком «Фазан».

– Токо выхожу на просек, – возбуждённо стал объяснять Ноздрачёв, – косой чешет. Я ррраз через осинки...

– Где песцы?

– Песцы-то? – растерялся охотник. – Наверно, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника Фрола Ноздрачёва, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Оправивши шапку, директор повернулся к охотнику спиной и направился обратно на звероферму. За ним поспешил бригадир.

– погоди, погоди, – вслед ему сказал Ноздрачёв. – Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут всё кругом знаю, не уйдут.

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника, и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачёв, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

Отругавшись, охотник потоптался на месте и пошёл потихоньку туда, куда вёл его собственный характер.

– Не волнуйтесь, Пётр Ерофеич, – говорил тем временем Филин, догоняя директора. – Побегают, жрать захотят – через недельку сами вернутся.

– Да за недельку они от голода помрут, – недовольно сказал директор. – А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? Что тогда?

– Вот это вопрос! – подтвердил Филин. – Что же делать?

Директор закурил, напускал дыму в темнеющее постное небо.

– Надо попробовать Маркиза, – сказал он.

Верёя

Серый денёк ещё посерел, стустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал чёрный ручеёк. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь, на склонах верей, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времён, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего позёмку. По можжевёловому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях ёлки тёмную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг неё, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали её потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

Наполеон залез в пещеру, за ним – Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол. Недопёсок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были тёмные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена.

И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд ещё три звезды – яркие и серебряные. Это всходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля – во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посеребрённым поясом, с которого свешивается сверкающий звёздный кинжал!

Одною ногой опёрся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над чёрными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звёздочек, – нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звёздные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо, откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос: – ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

Барсучья ночь

Всю ночь в овраге под верёй возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчание барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полосы на носу его посветлели, подошёл к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобрать, что за зверь перед ним – то ли пёс, то ли лис, кто его разберёт? Старик решил с ним не связываться, скатился в овраг, презрительно что-то бормоча. Он долго еще бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу тревожили Наполеона. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и вытащит из норы, из барсучьей пещеры, притащит обратно на звероферму.

Плохо спал в эту ночь и директор Некрасов, хоть и не бранили его барсуки, не бродили под окнами. Снились директору большие неприятности и убытки, которые принёс звероферме сбежавший Наполеон. Дёргался директор, метался под одеялом.

– Катя, – говорил он во сне, – дай кисельку клюквенного.

И Прасковьюшка спала неровно, просыпалась, бормотала, била в подушку кулаками.

Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачёв, и снился ему тёплый магазин, ящик с макаронами. Грозно, азартно, по-охотничьи храпел Ноздрачёв, так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерррр-бах! Фейерррр-бах!»

Барсучья ночь тянулась долго, и высоко поднялся Орион, медленно наклонился набок, догоняя скрывающегося за горизонт Тельца. Под утро ушёл Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго ещё светила над ёлками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием – Бетельгейзе.

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз. Сопя и кряхтя, залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улёгся, над далёкими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое тьяканье, шорох увядших трав, припорошенных снегом. Кто-то бежал по следу песцов. Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься вверх.

Наполеон ошетинился.

Вздрыгнул, зашевелился куст можжевельника – и низенький, рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил. Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

Маркиз

Наполеон хорошо знал этого рыжевато-голубого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пыльным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решётку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел выжать из своего незатейливого инструмента целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопёсок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску – не хотел, а она притягивала, заманивала.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и Сто шестнадцатого, который тоже вылез из пещеры, утомлённо зевая.

И вход в пещеру, и подножие ёлки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку. Он был старше, сильнее и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвёл Маркиз голубые горизонты и нацелился на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопёску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый потоптался на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, клацнул зубами у его уха, отщёпнул плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожаком. И в этот спор Сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко было ему на проложенных следах.

Скоро осталась позади барсучья верёва, поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заприметил беглецов, но не шелохнулся в еловом шатре, хоть и невиданными показались ему бегущие звери – рыжевато-голубой Маркиз, платиновый Наполеон и голубой Сто шестнадцатый.

С полчаса бежал Маркиз на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле.

В первый раз, так же как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободранный, вернулся на ферму. Через год сбежал другой песец, по имени Рислинг. Дело было летом, и следов беглеца не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдогонку Маркиза. Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший вольной жизни, обязательно вернётся на ферму. И верно, Маркиз вернулся к обеду, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на волю в третий раз, но никогда ещё так далеко в лес не забегал. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая буреломы, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвёл беглецов вокруг верей, поставил их к северу хвостом.

Наполеон понял, что Маркиз хитрит, но очень уж уверенно вёл его вожак, а сзади потопрапливал Сто шестнадцатый, который ни в чём не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники, и неожиданно небо раскрылось над головой, и прямо перед ними легло широкое белое поле. А за полем – дощатый забор, редкие ёлки с обрубленными до самых макушек сучками и между ними огромный кирпичный гриб – водокачка, отмечающая над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко послышалось тьяканье песцов, кислый запах мёрзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук – песцы играли на тарелочках.

Сто шестнадцатый разрывается на части

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, игриво вильнул хвостом в сторону зверофермы: давайте, мол, вернёмся, ребята, пожрём, выпимся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал Сто шестнадцатый – голубой двухлеток – от этой бесполовой беготни и чувствовал себя сейчас путешественником, который после долгих странствий вернулся домой.

А дома всегда хорошо. Дома ждёт тебя уютная, в общем-то, клетка, сколько хочешь кормовой смеси, пойлушка, старые соседи, старые привычки, размеренная нормальная жизнь. Да, плохо тем, у кого нет своего дома. Толкнутся эти вечные странники там да сям, то прибьются к одному берегу, то приткнутся к другому, а за душой нету ничего – ни клетки, ни пойлушки.

Звон предобеденный между тем стих, зато усилился запах кормовой смеси – работницы начали кормить зверей. Из щелей в заборе слышались их высокие голоса.

Звон, запах, голоса разбередили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Что же это такое, откуда снова взялась звероферма? Задумался недопёсок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого зверя, похож он был на дворняжку, которую пнули сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попятился к дырке в заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно тявкнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивлённо Сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопёсок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего пса. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к ферме, а нос установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам. Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось перекусить и выпасться, с другой – тянул за собой недопёсок, убегающий в открытое поле.

О недопёсок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная чёрная морда обращена точно на север, и, как стрелка компаса, рассекла её ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост – лёгкий, как тополиный пух, тёплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика. Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею, вечный странник, и валяй хоть на Северный полюс.

О хвост недопёска! Ни лиса, ни соболь не похвалятся таким пышным хвостом цвета облака, которое тает в голубых небесных глубинах над березняком иль осинником. Торжественнейший хвост, формою похожий на дирижабль.

Душа Сто шестнадцатого разрывалась на части. Одна так и хотела нырнуть в дырку забора, пожрать и выспаться, в другой же части его души зрело чувство товарищества: всё-таки вместе с недопёском они бежали, вместе страдали.

Виновато заскулил Сто шестнадцатый, будто извиняясь перед Маркизом, и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого поворота. Он хотел было догнать беглецов, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскливо завыл им вслед.

На краю поля песцы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко, виден был Маркиз на светлом снегу, перед щербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

Серая лиса

Песцы пересекли поле и попали на просёлочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился жёлтый кисель, но дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остаётся следов.

Песцы долго бежали по дороге.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рёв.

Громыхая пустыми молочными бидонами, скрипя и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина «ЗИЛ».

Недопёсок прыгнул в кювет, затаился, а Сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофёр Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пышным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! – подумал Шамов. – Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подшибить зверя.

Рука нащупала гаечный ключ. Он вытащил его из-под сиденья, высунулся из кабины и швырнул изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок – гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелёт!» – огорчённо подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было. Была отвёртка, но для охоты на лису она не годилась. Пошарив под сиденьем, он вытащил огромную стальную рукоятку, которой заводят грузовик, и мощно метнул её в серую лису.

Заводило до лисы не долетело.

Волнуясь, он скинул телогрейку и вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промасленное крыло, и стал подкрадываться к Сто шестнадцатому.

Сердце у шофёра билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но ещё отчаянней стучало сердце Сто шестнадцатого. Оно стрекотало, как кузнечик.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и накрыл песца телогрейкой, прижал коленом к земле.

Сто шестнадцатый не дёргался и не кусался. Он потрясённо смотрел на шофёра Шамова и не мог понять, что же это такое.

– Серую лису поймал! Серую лису поймал! – закричал Шамов. Уши его пылали от радости. Шапка подскакивала на голове.

Он скинул брючный ремень, связал Сто шестнадцатого и вдруг подумал: «Да это ведь не лиса! Это, наверно, со зверофермы зверь».

Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать – затаить ли добычу или везти на звероферму как государственную собственность?

«Затаю – найдут, – огорчённо думал Шамов. – Зря, дьявол, ключами кидался».

Лениво нажал он на педаль, поворотил грузовик к звероферме.

– Эй, тётка, – крикнул он сторожихе у ворот, – где у вас начальник? Я тут какого-то зверя поймал. Не вашего ли выводка?

Сторожиха глянула в кабину, ахнула, засвистела в милицейский свисток. И тут же началась вокруг Шамова кутерьма.

Прибежал Некрасов, прибежал бригадир Филин, они хлопали Шамова по плечам, тащили его в кабинет, расспрашивали, где и как и не видал ли он Наполеона Третьего. Потом выдали ему премию – двадцать рублей.

Премия Шамова ошеломила. Он долго мял её в руках и повторял однообразно:

– Ну, как раз к праздникам!

Да, повезло шофёру Шамову. Не искал он в жизни никаких чудес, сроду не гонялся за синей птицей и вдруг – серую лису поймал.

С тех пор шофёр Шамов, катаясь по дорогам, всегда зорко глядел по сторонам и нарочно имел в запасе несколько гаечных ключей. Но больше никогда в жизни серая лиса ему не попала.

Колпаки и колёса

Когда грохот машины заглох, недопёсок вылез из кювета и обнюхал место, где лежал Сто шестнадцатый. Куда девался его спутник, Наполеон не понял, но с дороги решил поскорей убираться.

Пока он соображал, из-за поворота вынеслись два мотоциклиста. Они были в оранжевых колпаках, которые страшно горели над пасмурной землёй.

– Смотри, – заорал первый мотоциклист, – лисёнок!

Второй не расслышал ничего за рёвом мотора, а только весело махнул рукой и помчался по дороге. В последний момент Наполеон отпрыгнул в сторону – мотоциклы промчались мимо.

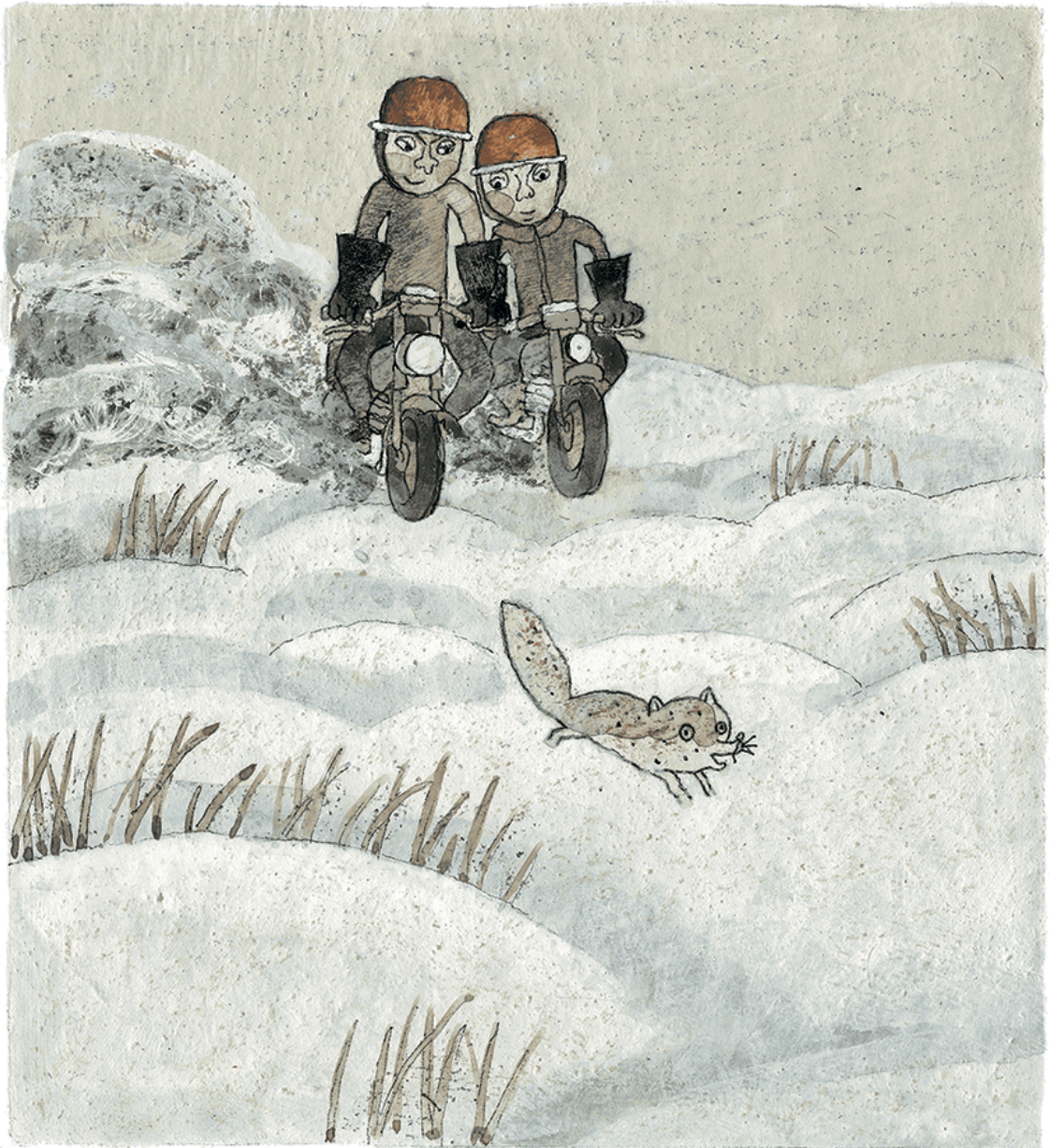
Не понимая ничего, Наполеон спрятался в кювет, упал на землю и закрыл глаза.

Мотоциклисты вдруг заглушили моторы, слезли с мотоциклов и стали подкрадываться, растопырив длинные руки в зазубренных перчатках, похожих на огромных бабочек.

Недопёсок выскочил из кювета, побежал через поле в сторону от дороги.

– Догоняй! Уйдёт! – закричали мотоциклисты, завели моторы и дунули вдогонку.

По корявому полю ехать им было трудно – мотоциклы с рёвом подпрыгивали на мёрзлых кочках. Как тысячи пустых пойлушек, визжали в них стальные шестерёнки, снежная грязь фонтаном била из-под колёс.

Вправо, влево кидался недопёсок, то бежал изо всех сил, то припадал к земле, стараясь спрятаться от этого рёва, разрывающего уши.

Наконец один из мотоциклистов неловко поворотил – мотоцикл грохнулся набок. Второй наехал на него, зацепился колесом, подпрыгнул и вылетел из седла – заварилась на поле грохочущая каша из колёс и колпаков.

Страшная зазубренная перчатка соскочила с руки мотоциклиста и вдруг подползла к Наполеону, собираясь, видно, схватить его. Наполеон зарычал, укусил перчатку изо всех сил.

С перчаткой в зубах он побежал к дороге и увидел, что под нею проложена какая-то труба. Недопёсок нырнул в трубу и затаился.

Бой с дворняжками

Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались мотоциклисты. Они долго не уезжали, что-то подкручивали, подтягивали, стучали ключами.

Искусанная мотоциклетная перчатка жалобно попискивала в зубах Наполеона – звала, наверно, хозяина.

Когда колпаки наконец уехали, недопёсок вылез из трубы и побежал вперёд, на север. Перчатку мотоциклетную он держал в зубах, и она слабо трепыхалась, пытаясь вырваться.

Теперь недопёсок бежал не по дороге, а вдоль неё и, заслышав машину, сразу прятался за какой-нибудь кочкой. Поле пошло в наклон, опустилось в овраг. За оврагом лежала деревня Ковылкино.

Недопёсок добежал до забора, не раздумывая нырнул в дыру и увидел другой забор и снова пролез через щель. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как опять наткнулся на глухой забор. За ним чернел деревянный горб – дом.

Недопёсок побежал было назад, потом – в сторону, но всюду вокруг него были заборы и дома с какими-то нехорошими трубочками, свисающими с крыш. Неожиданно выбежал он к деревенскому магазину. Уже стемнело. Над дверью магазина зажглась электрическая лампа. Поднялся ветер, и лампа со скрипом раскачивалась на проволоке под железным колпаком.

У крыльца стояла жёлтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина, который уже битый час торчал в магазине. Увидев недопёска, Дамка злобно оскалилась и зарычала. Тут же из-под крыльца выскочила вторая дворняжка. Эта вторая была низенькая, ростом в полтабуретки, и напоминала чем-то поросёнка.

Недопёсок перепугался, попятился назад, но Дамка стремительно кинулась к нему, разинула острозубую пасть. Наполеон махнул головой – и мотоциклетная перчатка, как большая противная жаба, прыгнула Дамке в глаза. От ужаса Дамка пала на землю, а перчатка уселась на неё верхом.

Но тут к Наполеону подскакала Полтабуретка, отвратительно затыкала и схватила его зубами за шиворот. Огромное количество меха набилось ей в пасть. Она вырвала клоч, стала отплёвываться и тут же завопила во всё горло, потому что песец вцепился острыми когтями ей в морду и потряс хорошенько.

– Наших бьют! – кричала Полтабуретка.

Со всей деревни к магазину стали сбегаться дворняжки, и скоро у крыльца закипела собачья свара. На шум из магазина выскочил какой-то человек в резиновых сапогах.

– Ку! – заорал он, расталкивая собак сапогами. – Провались! Провались!

Дворняжки разбежались. Только недопёсок остался у крыльца на земле, а рядом с ним валялась на снегу изжёванная мотоциклетная перчатка. Человек поднял её, примерил, и перчатка впору пришлась по левой руке.

– Какая дурацкая рукавица! Неуж из-за неё псы грызутся? – сказал человек и поглядел по сторонам: не видно ли где второй перчатки?
Этот человек был плотник Меринов.

Хороший плотник Меринов

Меринов считался в деревне хорошим плотником.

Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для пчёл, делал берёзовые табуретки. Кроме того, он был ложечник, вырезал деревянные ложки, разукрашивал их цветами и птицами, а после возил на базар.

Разглядевши недопёска, Меринов понял, что перед ним щенок.

«Английский шпиц, – подумал он. – Наверно, его дачники бросили».

Плотник Меринов в собаках мало разбирался, но относился к ним добродушно. Во дворе у него жила собака Пальма, которую плотник любил почесать за ухом.

Потолкавши сапогом английского, как он думал, шпица, Меринов хотел идти домой, но шпиц застонал, уткнулся в плотницкий резиновый сапог.

– Что такое? – удивился плотник. – Чего скулишь? Ступай к своим дачникам!

Шпиц английский к дачникам, однако, не пошёл, а всё как мёртвый лежал на земле. Потерял Наполеон былую свою красоту и был похож теперь на самого ободранного в мире щенка, в котором нет ни толку, ни породы. Грязными клочьями торчал драгоценный мех, сваялся колтунами. И, глядя на него, никто бы, конечно, не мог подумать, что такие неважные звери выращиваются на зверофермах.

– Потрепали тебя, бедняга, – говорил плотник. – А в другой раз будь умнее – не связывайся с дворняжками. Ну ладно, сейчас я тебя куда-нибудь пристрою.

Он взял шпица за шкирку, будто котёнка, и понёс его в магазин. В магазине было шумно, народ толпился у прилавка, а на ящике с макаронами в уголке сидел охотник Фрол Ноздрачёв.

– Кому щенка? – закричал плотник. – Английский шпиц! Его дачники бросили! Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рица»!

В магазине засмеялись, зашумели. Продавщица Ася крикнула:

– Иди, Мерин, домой. Надо нам твоего щенка!

Охотник Фрол Ноздрачёв поглядел на недопёска туманными глазами и сказал:

– Это шпиц не чистокровный. У него хвост лисий. Брось его.

Плотник Меринов покричал ещё, предлагая щенка, потом купил махорки-крупки и пошёл из магазина.

– Ладно, – бормотал он, выходя на крыльцо, – не хотите – не надо. Отнесу его домой, Веруне в подарок. На, скажу, тебе, Веруня, подарок – английского шпица. Пускай на дворе живёт. Да и Пальме будет веселее.

Плотник сунул недопёска за пазуху, а мотоциклетную перчатку в карман.

Сухо и тепло было за пазухой у плотника. Пахло махоркой и столярным клеем.

Пальма

Со звоном топая сапогами по мёрзлой земле, плотник Меринов подошёл к своему забору и остановился, докуривая сигарку. Хозяйка у него была строга, дома курить не велела. А плотник хозяйку свою уважал. Он постоял у забора, попыхтел дымом. Из сигарки сыпались на землю махорочные звёзды.

Затоптав огонь, плотник распахнул калитку и вошёл во двор.

– Ну вот, – сказал он, вытаскивая недопёска из-за пазухи. – Вот мы и дома. Видишь этот дом? Это наш. И сарай наш. И вишни наши, шубинки. А Пальму не бойсь, она не тронет... Пальма! Свой!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.